

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ В ЯЗЫКАХ ВОЛГО-КАМЬЯ

Вопрос о развитии редуцированных гласных в ряде неродственных языков Волго-Камья привлекал внимание широкого круга лингвистов и продолжает оставаться дискуссионным. До сих пор не выяснено, почему в языках разных генеалогических систем имеется одинаковое количество редуцированных, совпадающих к тому же по качеству и характеру длительности. Действительно, одинаковые редуцированные гласные мы имеем, с одной стороны, в марийском u , η , \tilde{a} , a^1 , хантыйском (по обозначению В. Штейница, δ , δ^1 , \tilde{a} , a^2), частично и в некоторых других финно-угорских языках, с другой стороны, в отдельных языках тюркской системы: чувашском, татарском, башкирском, ногайском; в тюркологической транскрипции их обозначают часто знаками: θ , $\tilde{\theta}$, \tilde{a} , a^3 .

В артикуляционном отношении редуцированные указанных языков определяются следующим образом: по подъему спинки языка они находятся на уровне среднего подъема, по горизонтали a и η (соответственно \tilde{a} , δ^1 или \tilde{a} , $\tilde{\theta}$) относятся к переднему или продвинутому вперед смешанному ряду, \tilde{a} и u (соответственно \tilde{a} , δ или \tilde{a} , θ) характеризуются как гласные заднего или продвинутого назад смешанного ряда, одни из них огубленные — u , η (δ , δ^1 или θ , $\tilde{\theta}$), в произношении дру-

¹ М. Веске, Исследования о наречиях черемисского языка, Казань 1889, стр. 8—9; Д. Г. Казанцев, Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка. — Труды МарНИИ, вып. XVIII, Йошкар-Ола 1964, стр. 23—61; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 16—82 и др.

² W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm 1944, стр. 63—75, 17; второе изд., Berlin 1964, стр. 63—75; его же, Geschichte des ostjaischen Vokalismus, Berlin 1950, стр. 81—98.

³ W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. — Известия Императорской академии наук XIV, № 4, 1901, стр. 430; В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань 1953, стр. 97; В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык I, Чебоксары 1954, стр. 164, 185 и др.; Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I, Москва 1955, стр. 54, 106, 109 и др.; М. Ряснян, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва 1955, стр. 76, 78, 84—85 и др.; У. Ш. Байчур, Звуковой строй татарского языка I, Казань 1959, стр. 33—38; А. М. Щербак, О тюркском вокализме. — Тюркологические исследования, Москва—Ленинград 1963, стр. 32; А. Бишев, «Первичные» долгие гласные в тюркских языках, Уфа 1963, стр. 103 и др.

гих губы «не участвуют» — \hat{a} , a (\hat{a} , a или \hat{a} , a). Кроме того, во всех языках при их произношении отмечается некоторая относительная слабость, вялость артикуляции.

По своей длительности все они характеризуются как краткие. При экспериментальном исследовании, например, в татарском и марийском языках было выяснено, что в середине слова даже под ударением (при прочих равных условиях) они приблизительно в два раза короче обычных гласных.⁴ С этой точки зрения к рассматриваемым гласным больше подходит термин «краткие», чем «редуцированные», ибо краткость — их основной признак, а качественного изменения в зависимости от ударения здесь почти не происходит.

Встречаются редуцированные гласные в разных фонетических положениях (см. перечень примеров).

Правда, полностью система редуцированных встречается только в некоторых диалектах указанных языков. В марийском она обнаруживается в северо-западном наречии⁵ и в некоторых восточных диалектах⁶, в других встречается часть из них: в йошкар-олинском — \hat{a} , u , η , в волжском — \hat{a} , u , в моркинском и сернурском — \hat{a} , в горном огубленные подверглись делабиализации и совпали с \hat{a} , a , в кильмезском все редуцированные совпали с гласными полного образования (i , u или \hat{i}). В хантыйском языке редуцированные в полном виде выступают в диалектах Вах-Васюганского типа.⁷ В верховом диалекте чувашского языка бытуют все отмеченные редуцированные, но в низовом огубленные \hat{e} , \hat{e} совпали с неогубленными \hat{a} и a (в чувашской графике \hat{a} и \hat{e}).⁸

По происхождению марийские редуцированные в большинстве случаев восходят к кратким гласным высокого подъема финно-угорского праязыка: 1) гласный \hat{a} ($\sim a$) < * i (иногда * \hat{u} , * e): луг. $p\hat{a}l$, горн. $p\hat{a}l$ 'облако, туча' (ср. фин. $pilvi$, удм. $pilem$), луг. $\hat{s}\hat{a}ze$, горн. $\hat{s}\hat{a}z\hat{a}$ 'осень' (ср. фин. $syksy$, $syys$, эст. $s\hat{u}gis$; в словах с * \hat{u} на древнемарийской почве произошла делабиализация, а затем редукция), луг. $k\hat{a}lme$, горн. $k\hat{a}lm\hat{a}$ 'холодный, мерзлый' (ср. фин. $kylm\hat{a}$), луг. $\hat{l}\hat{a}st\hat{a}š$, горн. $\hat{l}\hat{a}st\hat{a}š$ 'лист' (ср. фин. $lehti$; в словах с * e гласный i развился в прамарийском языке в результате сужения) и др.; 2) гласный u ($\sim \hat{a}$) < * u (иногда * o): волж., йошк.-ол., сев.-зап. mu , yu , lo , горн. $m\hat{a}y\hat{a}l$ 'шишка на дереве, нарост' (ср. фин. $mukula$), волж., йошк.-ол., сев.-зап. nu , r , горн. $n\hat{a}r$ 'поле, выгон' (ср. эст. $nurm$); волж. и др. pu , βu , горн. $p\hat{a}\beta u$

⁴ У. Ш. Байчура, указ. раб. I, табл. 7; Л. П. Грузов, Редуцированные гласные в диалектах марийского языка (качественно-количественное описание). — Труды МарНИИ, вып. XVIII, Йошкар-Ола 1964, стр. 18—22.

⁵ М. П. Чхаидзе, И. Ф. Андреев, Язык марийцев Тоншаевского района Горьковской области. — Труды МарНИИ, вып. I, Йошкар-Ола 1940, стр. 95—96; И. С. Галкин, Л. П. Грузов, Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1958 года. — Труды МарНИИ, вып. XIII, Йошкар-Ола 1960, стр. 192—194; И. Г. Иванов, Фонетика тоншаевского говора марийского языка. Автореф. дисс., Тарту 1965, стр. 7—10.

⁶ Н. И. Исанбаев, Из наблюдений над фонетикой говора мензелинских мари. — Вопросы марийского языкознания, Йошкар-Ола 1964, стр. 91—97; Л. П. Грузов, О составе фонем сардаляско-арборского говора марийского языка. — Труды МарНИИ, вып. XIII, Йошкар-Ола 1960, стр. 146—149 и др.

⁷ W. Steinitz, Geschichte des ostjakischen Vokalismus, стр. 48.

⁸ Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань 1898, стр. 340; В. Г. Егоров, Введение в изучение чувашского языка, Москва 1930, стр. 105; Т. М. Матвеев, Краткий обзор чувашских диалектов. — Яфетический сборник VI, Ленинград 1930, стр. 129.

'колено' (ср. фин. *polvi*, эст. *põlv*; в немногочисленных словах подобного типа отмечается сужение **o* и последующая редуция); 3) гласный *ŋ* (~*ə*) < **ü* (иногда **i*, **e*): сев.-зап. *kŋts*, горн. *kätš* 'ноготь, коготь, копыто' (ср. фин. *kynsi*, вепс. *küñž*, ю.-эст. *kũbz*), сев.-зап. *šŋts*, горн. *säts* 'копоть, сажа' (ср. эст. *süsi* 'сажа'); сев.-зап. *lŋm*, горн. *läm* 'имя' (ср. фин., вепс., эст. *nimi*; в марийском языке в подобных словах произошла лабиализация, а затем редуция), сев.-зап. *šŋštə*, горн. *šäštə* 'сыромятная кожа' (ср. фин. *hihnä*, вепс. *hihn*); сев.-зап. *βŋt*, горн. *βät* 'вода' (ср. фин. *vete*); в словах данного типа под влиянием окружающих согласных произошла лабиализация и сужение, позже — редуция) и др. Редуцированные *ä* и *ə* восходят к гласному **i*, имевшему первоначально, по-видимому, два основных (переднерядный и отодвинутый назад) оттенка.

Редуцированные гласные в тюркских языках развились также в результате изменения общетюркских гласных высокого подъема: **i*, **y*, **ü*, **u*.⁹ Правда, в чувашском языке редуция носит более общий характер, ей подчиняются и некоторые другие гласные невысокого подъема¹⁰:

1) общетюркский гласный **y* (или иногда **ÿ*) — чув. *šävan* 'нарыв' (ср. туркм. *čyban*), чув. *särt* 'гора' (ср. туркм. *syrt*), чув. *χäjaχ* 'осока' (ср. туркм. *kyjak* и др.);

2) общетюркский гласный **u* (иногда **ū*) — чув. *päs*, верх. *pəs*, татар. *bez* 'разбирать' (ср. кирг. *buz*), чув. *χär*, верх. *χər*, башк. *kərə* 'сухой' (ср. туркм. *kūry*, якут. *kūr* и др.), башк. *bələt* 'облако' (ср. туркм. *bulut* и др.) и др.;

3) общетюркский гласный **i* (иногда **î*) — чув. *əś*, татар. *əç* 'пить' (ср. якут. *is*, туркм. *iç*), чув. *əś*, татар. *əş* 'работа' (ср. туркм. *iş*), чув. *äläk* 'раньше' (ср. туркм. *ilki*); в чувашском языке иногда выступает *ä*: *jädä* 'собака' (ср. туркм. *it*);

4) общетюркский гласный **ü* (иногда **ÿ*) — чув. верх. *tärə*, низ. *tərə* 'вышивать' (ср. туркм. *dür*), чув. верх. *sölə*, низ. *sälə* 'овес' (ср. туркм. *süli*), башк. *kön* 'день' (ср. туркм. *gün*), татар. *öjör* 'куча, толпа' (ср. алт. *ür*) и др.

Вопрос о причинах и времени возникновения редуцированных гласных в тюркологии конкретно почти не ставился, в финно-угроведении же он является одним из самых спорных. За последние двадцать лет этим вопросом занимались многие лингвисты. Он ставился применительно к истории звуков отдельных языков, а также в плане развития финно-угорского вокализма. В сороковых годах с оригинальной теорией выступил В. Штейниц. Исходя из данных обско-угорских (прежде всего хантыйского) и марийского языков, в работе «Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus» он делает вывод, что редуцированные гласные существовали уже в эпоху финно-угорской языковой общности.

⁹ М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, стр. 75, 78, 81, 85; Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I, стр. 106, 109, 111; Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, Москва—Ленинград 1948, стр. 9—11; А. М. Щербак, указ. раб., стр. 34—37; А. Бишев, указ. раб., стр. 103—105 и др.

¹⁰ M. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920, стр. 86, 100 и др.; А. М. Щербак, указ. раб., стр. 34 и др.

Работа В. Штейница рядом финно-угроведов была оценена положительно.¹¹ Однако Э. Беке в рецензии на нее писал, что редуцированные гласные в финно-угорских языках возникли в позднейший период, в частности, марийские редуцированные он называет вторичными.¹² Несколькими раньше теорию В. Штейница подверг критике Э. Итконен.¹³ При этом он исходил из состояния звуков прибалтийско-финских языков. Э. Итконен отрицает наличие редуцированных в финно-угорском праязыке, он считает их развившимися в отдельных родственных языках в поздний период. Анализируя многочисленные этимологии, Э. Итконен приходит к выводу, что в большинстве случаев марийские редуцированные гласные восходят к домарийским кратким звукам *i, *ï, *u.¹⁴

Фонетической причиной такого развития домарийских гласных Э. Итконен считает изменение древнего ударения¹⁵, первоначально падавшего в финно-угорских языках на первый слог.

Б. Коллиндер в основном поддерживает теорию Э. Итконена.¹⁶ Он не соглашается с ней лишь в частностях — в отношении количества и качества некоторых предполагаемых гласных праязыка.

Мнение В. И. Лыткина в отношении редуцированных претерпело определенную эволюцию. В своей работе «К вопросу о вокализме пермских языков» он склонен был принять теорию В. Штейница.¹⁷ Однако в дальнейшем он отходит от нее, отмечая лишь особое качество звуков e и ÿ, но не причисляя их к редуцированным.¹⁸ Впрочем, еще в 1956 г. он писал: «Вопрос о редуцированных гласных общекоми языка требует дальнейшего исследования. Может быть, действительно нужно говорить не о редуцированных гласных, а о качественных различиях иного порядка, имевших место в системе гласных общекоми (а, может быть, и общепермского) языка».¹⁹

Разногласия по вопросу об истории редуцированных объясняются тем, что разные исследователи по-разному подошли к оценке архаичности вокализма: одни признают более архаичным фонематическое противопоставление гласных по длительности, другие — наличие редуцированных гласных.

Однако лингвисты давно заметили, что марийские редуцированные имеют общие признаки с соответствующими звуками соседних неродственных языков: чувашского, татарского, башкирского и др. Об этом

¹¹ Д. В. Бубрих, К вопросу о звукопереходе $ti > si$ в финском языке. — Советское финно-угроведение V, Петрозаводск 1949, стр. 130.

¹² Ö. Веке, рец. — *Nygr.* 1948, стр. 40—42.

¹³ E. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. — *FUF XXIX* 1946, стр. 222—337.

¹⁴ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermisischen und in den permischen Sprachen. — *FUF XXXI* 1954, стр. 259—260.

¹⁵ E. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe, стр. 239—242; его же, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremisischen Konjugationssystems. — *MSFOu* 125, Helsinki 1962, стр. 100.

¹⁶ B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1960; B. Wickman, Some remarks on the problem of Fenno-Ugric vocalism. — *MSFOu* 125, Helsinki 1962, стр. 671—679.

¹⁷ В. И. Лыткин, К вопросу о вокализме пермских языков. — Труды Института языкознания, т. I, Москва 1952, стр. 100, 104, 72.

¹⁸ В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1962, стр. 24—27.

¹⁹ В. И. Лыткин, рец. — *ВЯ* 1956, № 3, стр. 143; его же, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 17.

писали: М. Веске²⁰, В. Г. Егоров²¹, Т. М. Матвеев²², В. А. Богородицкий и др.²³ Наличие одинаковых гласных неполного образования в ряде языков Волго-Камья, генетически относящихся к разным системам, наталкивает на мысль, что причиной их развития здесь могло быть взаимовлияние неродственных языков, тесный контакт между которыми поддерживался длительное время (языковая, культурная и экономическая связь мари с носителями чувашского языка отмечается в течение около 1000 лет и с носителями татарского языка — приблизительно 700 лет). В результате такой тесной связи одни явления возникли под влиянием тюркских языков, другие могли развиваться под воздействием языков финно-угорской системы.

В образовании редуцированных гласных в чувашском и татарском языках Б. А. Серебренников, например, видит влияние финно-угорского субстрата.²⁴ Таким языком финно-угорской системы мог быть марийский или очень близкий к нему. Однако недавно в отношении происхождения марийских и тюркских редуцированных было высказано новое предположение. Д. Г. Казанцев выдвинул гипотезу, согласно которой редуцированные гласные марийских диалектов появились под влиянием языков тюркской системы.²⁵ Действительно, наличие редуцированных в тюркских языках разных ветвей не может быть случайностью, и вряд ли оно представляет собой явление привнесенное. Следует иметь в виду также характер образования редуцированных. Тюркские и марийские редуцированные, как это отмечалось давно, исторически одинаково восходят к более древним гласным высокого подъема **u*, **ü*, **i*. Весьма заманчивой представляется подобная гипотеза также с точки зрения субституции звуков в словах, заимствованных из тюркских языков марийским, где, как правило, редуцированные оригинала передаются такими же или весьма близкими по качеству звуками.²⁶ Следует иметь в виду также то, что звуки из одного языка в другой могут проникать лишь вместе с заимствованными словами, а слов тюркского происхождения, среди которых подавляющее большинство — чувашские, в марийском языке имеется в 3—4 раза больше, чем марийских в чувашском. Все вышеизложенное, безусловно, с одной стороны, говорит о малой вероятности развития редуцированных в тюркских языках под влиянием финно-угорской системы, с другой, — свидетельствует о большей аргументированности противоположной гипотезы (о тюркском происхождении марийских редуцированных). Однако имеется ряд моментов, противоречащих мнению Д. Г. Казанцева.

²⁰ М. Веске, Исследование о наречиях черемисского языка, стр. 9.

²¹ В. Г. Егоров, Введение в изучение чувашского языка, стр. 128.

²² Т. М. Матвеев, указ. раб., стр. 131 и др.

²³ В. А. Богородицкий, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань 1933, стр. 43; W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, стр. 137—138; У. Ш. Байчур, указ. раб. I, стр. 33—40.

²⁴ Б. А. Серебренников, Проблема субстрата. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР 1956, № 9, стр. 43—44; его же, К истории звуков чувашского языка. — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XIV, Чебоксары 1956, стр. 81.

²⁵ Д. Г. Казанцев, Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка. — Труды МарНИИ, вып. XVIII, Йошкар-Ола 1964, стр. 44. На стр. 52 то же самое утверждается в отношении происхождения марийских редуцированных *u*, *ä*; см. его же, Гласные фонемы *u* и *ü* в йошкар-олинском говоре марийского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1964, стр. 43.

²⁶ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, стр. 66—67, 71, 76, 79—80; Д. Г. Казанцев, Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка, стр. 51—52, 55, 57 и др.

Прежде всего, предположение о тюркском происхождении марийских редуцированных не вяжется с междиалектными соответствиями. Звуковые междиалектные корреспонденции в области редуцированных даже в диалектах отдаленных и изолированных друг от друга выступают настолько последовательно и закономерно, что это может быть связано только с возникновением их в древнемарийский период. Очень важным при этом представляется то, что закономерные звукосоответствия обнаруживаются в большом числе исконных марийских слов, где значительный процент падает на финно-угорский пласт лексики. Если бы редуцированные были занесены в марийский язык чужеродной языковой стихией, такой последовательности в соответствиях в кругу исконных слов не могло быть. Считать же этот факт результатом аналогии вряд ли будет верно, ибо соотношение заимствованной и исконной лексики, где обнаруживаются соответствующие звуки, таково, что вторые представляют значительное большинство. Неслучайно все исследователи, более или менее изучившие междиалектные соответствия, считали, что редуцированные были уже в прамарийский период. К такому выводу пришли даже те, кто считает редуцированные в финно-угорских языках вторичными. В частности, Э. Итконен считает наличие их в древнемарийском языке явлением безусловным, он включает их в число фонем.²⁷

С другой стороны, нельзя закрывать глаза и на то, что имеется в родственных языках. Как уже отмечалось, в диалектах хантыйского языка есть редуцированные (*ä, ö, õ, ə*), совпадающие в качественно-количественном отношении с соответствующими звуками марийского языка. В. Штейниц в своей работе даже приводит слова, в которых содержатся одинаковые редуцированные этих языков (например, хант. *löla* 'таять' — горн. *шылаш*, хант. *tõpät* 'Querholz im Boot' — мар. *тыкты*, хант. *põgrī* 'вьюга' — горн. *пыргышт*, хант. *wər* 'кровь' — горн. *вёр*, хант. *ñälä* 'четыре' — горн. *нёл* и др.²⁸).

Кроме хантыйского, редуцированные гласные встречаются также в мордовском языке. Х. Паасонен, например, отмечает в основном в первых слогах: в мокша-мордовском — *ä, ə*, в эрзя-мордовском (Кажлытка) — *ĩ, ɨ*. Он подчеркивает при этом краткость их по сравнению с остальными гласными.²⁹ Отдельные редуцированные встречаются в говорах удмуртского языка.³⁰

Наконец, в диалектах коми языка, очевидно, имеются такие моменты, которые позволили В. И. Лыткину в свое время сказать: «Что касается . . . гласного (*ө*), то можно с большей уверенностью высказать мысль, что этот гласный имеет прямое отношение к редуцированным гласным, о которых говорит Штейниц. Коми-зывинские слова со звуком *ө* обычно соответствуют хантыйским и марийским словам с редуцированными . . .»³¹

Таким образом, редуцированные гласные, кроме марийского, бывают в хантыйском, удмуртском и что-то близкое к ним, быть может,

²⁷ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe . . ., стр. 153, 259.

²⁸ W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, стр. 6.

²⁹ H. Paasonen, Mordvinische lautlehre (= MSFOu XXII), Helsingfors 1903, стр. 6.

³⁰ Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — Труды МарНИИ, вып. XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 128—129; В. И. Лыткин и Т. И. Тепляшина, Некоторые особенности глазовского диалекта. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 19, Ижевск 1959, стр. 218—219.

³¹ В. И. Лыткин, К вопросу о вокализме пермских языков. — Труды института языкознания I, Москва 1952, стр. 100.

Встречаемость редуцированных гласных

	ä (ä)	a	u (ö, ø)	u (ö, ø)
Марийский	äštäš nämäšte šämät mänä	ägä šäväš päzälmä tsäzä	'имеется' 'тять' 'гора' 'где'	кпдлг түрбө түр гүдө
Ханты́йский	äsät xäj- päx säxät	jəp jəŋk kəntš- mən-	'отец' 'вода' 'искать' 'идти'	кдл кдлät кдлпн кдр
Татарский	äşqu qärda xatän başä	äläkkä usätmäk käbästä ikä	'выиграй' 'его бедро' 'держа' 'птица'	ёç кёзүё тёштё тёбё
Чувашский	äjär šänäš šävtšäk vatä	ämär kəkək kirpäťš ləkə	'жаворонок' 'сирота' 'хмель' 'всё'	рёгəx сөлө šөmөр төкөр

имеется в диалектах языка коми. Факт наличия редуцированных в разных языках одной системы примечателен, хотя появились они в них, по всем данным, самостоятельно. Следует признать, что в праязыке редуцированных не было, ибо даже в тех языках, где они встречаются, мы не имеем широкого более или менее закономерного представительства соответствующих близких звуков.

Интересно, что в языках, сохранивших противопоставление гласных по длительности и древнее ударение (в прибалтийско-финских, венгерском, мансийском), редуцированных нет. Они встречаются или имеют потенциальную возможность для развития лишь в тех языках, в которых нет фонематического противопоставления гласных по длительности и в которых разрушилось древнее ударение. Связь редукции с ударением очевидна. Развитие редукции и редуцированных гласных стало возможным постольку, поскольку в ряде финно-угорских языков, в том числе и марийском, в определенной степени изменилось место, а может быть и фонетическая природа ударения.³² Э. Итконен, например, допускает, что уже в раннемарийский период ударение могло падать на второй слог. При этом он имеет в виду редукцию гласных в первом слогѣ (*äžä-t* 'я не ...', *äžä-tš* 'ты не ...').³³ С появлением безударных слогов в начальном положении создаются соответствующие условия для качественной и количественной редукции. Подобное явление отмечает Д. В. Бубрих в эрзя-мордовском языке, где после перемещения ударения с первого слога происходит выпадение гласных предударного слога *y*, *u* (*ы*): *у^нскал > скал 'корова', ср. мар. *ушкал*; *шышта > шта 'воск', ср. мар. *шыште*; *пурмо > промо, ср. мокш. *пуром*, мар. *пурмо*, *пормо* и др.³⁴ Редукцию некоторых гласных непервого слога в древне-мордовский период доказал еще П. Равила.³⁵ Аналогичное явление развито и в диалектах удмуртского языка. Т. И. Тепляшина, например, отмечает это в шошминском говоре: «Гласные верхнего подъема *u*, *ü*, *y* подобно гласному среднего подъема *ы*, в безударном положении часто редуцируются, а иногда и вовсе исчезают ... : *п^нчи* «маленький», *п^ты* «след», *к^нсал* «кисель», *к^н'ан* «теленок», *п^нжой* «лось», *к^нчани* «щенок»».³⁶

Следует полагать, что именно подобное изменение в некоторых финно-угорских языках и способствовало развитию редуцированных гласных. Но эта потенциальная возможность была использована не всеми языками, в которых изменилось ударение. В частности, в мордовских языках развитие редуцированных в виде самостоятельных фонем не произошло, причиной тому, очевидно, были какие-то специфические внутренние закономерности.

В тюркских языках (чувашском, татарском, башкирском и др.) образование редуцированных шло, очевидно, тем же путем, что и в финно-угорских языках. По признанию ряда лингвистов, первоначально и в тюркских языках ударение падало на первый слог. Доказательст-

³² Л. П. Грузов, Из истории гласных заударных слогов марийского языка. — Труды МарНИИ, вып. XVIII, Йошкар-Ола 1964, стр. 181—191.

³³ E. Itkonen, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystem, стр. 119.

³⁴ Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, стр. 37—38; А. В. Якушкин, Дракинский диалект эрзя-мордовского языка. Автореф. дисс., Москва 1959, стр. 8.

³⁵ P. Ravila, Über eine doppelte vertretung des urfinnischwolgaischen *a der nichtersten silbe im mordwinischen. — FUF XX 1929, стр. 83—120.

³⁶ Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка, стр. 129—130.

вом этому, по В. Грёнбеку, является ослабление конечного согласного (тур. *ördäk* ~ *ördäji*, чув. *ura* < **odaq*)³⁷, а М. Рясянен, кроме того, с первичным ударением на начальном слоге связывает развитие гармонии гласных.³⁸ Постепенно ударение в тюркских языках перемещается к концу слова — в настоящее время оно падает на последний слог.³⁹ Другой важный момент — изменение противопоставления гласных по длительности. Давний спор о том, было ли количественное различие гласных в общетюркском языке, следует считать решенным в пользу признания в нем такового.⁴⁰ В ряде языков тюркской группы стерлось различие гласных по долготе, оно сохранилось лишь в туркменском, якутском, киргизском, алтайском, тувинском, хакасском, шорском, а также в некоторых говорах узбекского и татарского языков.⁴¹

В силу такого существенного изменения двух важных фонетических моментов в некоторых тюркских языках и создались условия для развития редуцированных гласных. Совершенно прав Рясянен, когда он пишет: «... первоначальное ударение на начальном слоге могло вызвать прогрессивную ассимиляцию (гармонию гласных). Напротив, (позднее?) ударение на конечном слоге вызвало редукцию, а иногда даже элизию гласного первого слога.»⁴²

Таким образом, редуцированные гласные в отдельных тюркских и финно-угорских языках развивались в совершенно одинаковых фонетических условиях и процесс этот, по всей вероятности, протекал в языках разных систем независимо друг от друга. Аналогичное явление, как справедливо отмечали в свое время В. Штейниц и Э. Итконен, наблюдается и в языках других систем. В частности, в общеславянском языке индоевропейские узкие краткие гласные по мере утраты противопоставления гласных по длительности и изменения характера и природы ударения перешли в редуцированные: *ĩ* > *ь*, *ÿ* > *ъ*. В большинстве случаев такое изменение обуславливается, по словам А. Мейе, изменением ударения.⁴³

Делать вывод о тюркском происхождении марийских редуцированных на основе заимствований нельзя. При заимствовании, как правило, звуки неродного языка передаются близкими по качеству фонемами. Поскольку в прамарийском языке редуцированные были до тюрко-марийских связей, то, естественно, соответствующие тюркские гласные при заимствовании передавались ими, что, впрочем, позднее происходило и в заимствованиях в противоположном направлении. При этом следует иметь в виду, что в самих тюркских языках развитие редуцированных относится к явлениям не очень ранним. В многочисленных тюркских заимствованиях в венгерском языке, как показал З. Гомбоц, редуцированные не отражаются, узкие гласные в них передаются такими же по качеству или же несколько открывшимися на почве венгерского языка

³⁷ V. Grönbech, Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. — KSz V 1902, стр. 71, 93.

³⁸ М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, стр. 43.

³⁹ Правда, отдельные компоненты ударения, как показало экспериментальное исследование У. Ш. Байчуры, в разных языках могут варьировать. Например, в чувашском и казахском языках интенсивность и тонический акцент падают на первый слог. См. У. Ш. Байчура, указ. раб. II, Казань 1961, стр. 267.

⁴⁰ М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, стр. 58—66; Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I, стр. 160—163; А. М. Щербак, указ. раб., стр. 39 и др.

⁴¹ Ф. Г. Исхаков, Долгие гласные в тюркских языках. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I, стр. 160.

⁴² М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, стр. 43.

⁴³ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, Москва 1954, стр. 75—76.

звуками, например: венг. *sima* 'гладкий' < тюрк. **šyma*, венг. *szirt* 'утес, скала' < тюрк. **syrt*, венг. *kis* 'маленький' < тюрк. **kiçi*, венг. *kökény* 'тёрн' < тюрк. **kükän*, венг. *borsó* 'горох' < тюрк. **burçay* и др.⁴⁴

Нет сомнения в том, что образование редуцированных неразрывно связано со всей фонетической системой в целом. Оно было обусловлено другими явлениями. Так, Д. Г. Киекбаев и Б. А. Серебренников развитие редуцированных в башкирском и татарском языках связывают с общим явлением сужения гласных, которое, кстати, является характерным и для ряда финно-угорских языков (марийского, мордовского, коми, удмуртского и некоторых др.). По их мнению, редуцированные развились в результате как бы выталкивания древних узких гласных *и*, *й*, *і* аналогичными звуками нового образования, развившимися в результате сужения древних более открытых гласных.⁴⁵ Действительно, между указанными двумя явлениями (редукцией и сужением) есть определенная связь, ибо редуцированные гласные обнаруживаются в основном в тех языках, где имеется сужение. Однако причинно-следственная связь в отношении редуцированных и сужения, по-видимому, была несколько иная. Есть основание полагать, что сужение явилось результатом редукции, а не редукция — следствием сужения. После того, как древние гласные высокого подъема в силу определенных фонетических условий подверглись редукции, в системе гласных образовался как бы вакуум, который и позволил гласным невысокого подъема сузиться. И в хронологическом отношении в тюркских языках Поволжья (это касается, возможно, и марийского языка) сужение гласных происходит позднее, чем образование редуцированных. Свидетельством тому могут послужить многочисленные заимствования из тюркских языков в марийский. Если в них редуцированные гласные, как отмечалось выше, в марийском языке всегда последовательно передаются аналогичными же гласными, то сужение тюркских гласных в заимствованиях начинает отражаться относительно позднее.⁴⁶

Первопричиной развития редуцированных следует считать нарушение древней системы противопоставления гласных по длительности и изменение характера, а в ряде случаев и природы словесного ударения. Подобные изменения отмечаются в языках разных систем: финно-угорских (марийском, мордовском, коми, удмуртском, хантыйском), тюркских (чувашском, татарском, башкирском, ногайском и др.), славянских (еще в общеславянском праязыке). В них соответственно были созданы предпосылки для развития редуцированных гласных. Во всех случаях в редуцированные переходят прежде всего гласные высокого подъема, в этом отношении они являются наименее устойчивыми.

В языках разных семей были одинаково заложены необходимые условия для развития редуцированных. Поэтому следует полагать, что эти гласные появились в них параллельно, независимо друг от друга, хотя частотность и интенсивность их употребления, конечно, могли быть в определенной степени в прямой зависимости от степени взаимовлияния соседних языков, в данном случае — разных языков Волго-Камья.

⁴⁴ Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (= MSFOu XXX), Helsinki 1912, стр. 148, 150, 152—153, 157; В. Г. Егоров, Введение в изучение чувашского языка, стр. 118—119.

⁴⁵ Д. Г. Киекбаев, Башкорт теленен фонетика, Өфа 1958, стр. 65—67; Б. А. Серебренников, О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. — ВЯ 1964, № 3, стр. 27.

⁴⁶ M. Räsänen, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu L), Helsinki 1923, стр. 15—16; В. Г. Егоров, Введение в изучение чувашского языка, стр. 99—102 и др.

L. P. GRUZOV (Joškar-Ola)

UBER DAS ENTWICKLUNGSPROBLEM DER REDUZIERTE VOKALE
IN DEN WOLGA-KAMA-SPRACHEN

Die reduzierten Vokale entwickelten sich durch die qualitative und quantitative Veränderung der alten engen Vokale. Ihre Entstehung war durch die bedeutenden Veränderungen des phonetischen Systems der entsprechenden Sprachen bedingt, unter denen anscheinend das Verschwinden der Entgegenstellung der Vokale ihrer quantitativen Eigenschaft nach und die Veränderung des Charakters der alten Betonung eine führende Rolle spielten. In den Sprachen verschiedener Systeme (in der marischen, chantischen, tschuwaschischen, tatarischen, baschkirischen u. a.) gab es notwendige Bedingungen für die Entwicklung der reduzierten Vokale. Man muß darum annehmen, daß in den Sprachen, die verschiedenen genealogischen Familien angehören, diese Vokale parallel, unabhängig voneinander erschienen.

ЭТИМОЛОГИИ ИЗ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

3. Коми *čil, čilä*.

Коми-язык *čil* 'совсем, совершенно': *nija čil dikudot* 'они совершенно одинаковы', *sido čil me kudam* 'он совсем похож на меня' (собственные наблюдения); чалк: *чаль чала лун ва* (д. Мордино) 'весь день, целый день' (Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов). В этом локализованном слове (в коми языке слово с этим корнем *čilä* нег; см. значением 'совсем, совершенно, целиком, весь' в языке I пермских языков из твердого *č*, вероятно, под влиянием гласного переднего ряда, значение следовавшего за этим согласным (см. ниже горно-марийский пример). Такой переход *č > l* наблюдается и в других словах коми языка, например: *čela (ojn)* 'сорок' < **neljā*; *pel* 'ухо' < **peljā*; Вихман предполагает, что в этих словах (*čela*, *pel*) пермских языков мягкое *l* произошло из *č*.²

Коми слова можно сопоставить с удм. *чылкыч* 'совсем, точно так; чылкыч паймоо *лг талы* 'совсем удлиниться ведь этому', *чылкыч олжы* 'накисно один' (Т. К. Борисов, Удмуртско-русский толковый словарь); *čilak* (Sag.) 'tisztán; teljesen, épen, egészen, merőben (накисно, совсем); 'in ganz u. rein (z. b. verrückt)' (В. Munkácsi, A vótyák nyelv szótára). В удмуртском примере *-k, -ak* — словообразовательные суффиксы. Общепермск. **čl* или **čl̥* 'весь, совсем'.

Тойлоном сопоставляет удмуртское слово со следующими словами: wotj. (Wichm.) U *tsin-ak*, N *čuk-ak* 'ganz u. gar', U *tsukit*, J M S *čukit*, G *čukit* 'rein, klar', tšcher. (Wichm.) KB *tsalt, tsalt-o-k*, M *čilt* 'ganz u. gar, gänzlich'; ? fin. (Renv.) *siikko* 'lauter, rein, bloss'; ostj. VK *čilj, čol* 'чистый жар', Ni. *čil* usw.; wog. (Wichm.) *čil* 'dünn, flüssig', T *čilä* (Y. H. Toivonen, Beiträge zur geschichte der finnisch-ugrischen /-laute. — FUF XX 1929, стр. 59).

Сопоставление удмуртского слова со значением 'совсем, совершенно, целиком' с марийским словом того же значения вполне приемлемо. Од-

¹ Продолжение, см. СФУ I 1, 2, 4 1965, II 1 1966; там же сокращенные названия языков и диалектов, а также подробно названия трудов, на которые делаются ссылки.

² Y. Wichmann, Zur geschichte der finnisch-ugrischen /-laute. — FUF XV 1915, стр. 46.

³ В удм. *чылкыч* *č* не смягчается благодаря соседству с *č*.